

УДК 821.133.1
ББК 84(7Фр.)
С89

Souad
BRÛLÉE VIVE

Перевела с французского
Татьяна Михайлова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Суад

С89 Сожженная заживо : [роман] / Суад; [пер. с франц. Т. Михайловой]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 256 с. — (Серия «Роза ветров. Исповедь»).

ISBN 978-5-907143-50-0

За «преступление против чести семьи» родные приговорили семнадцатилетнюю Суад к мучительной смерти. Что же совершила эта скромная, работающая девушка? Она влюбилась и очень хотела выйти замуж. А еще готовилась стать матерью... Полуобгоревшую, ее спасли совершенно чужие люди. Лишь через много лет Суад решилась поведать миру чудовищную историю своей жизни... Ее исповедь мгновенно стала мировым бестселлером. Пусть же голос мужественной женщины будет услышан!

УДК 821.133.1
ББК 84(7Фр.)

© Oh ! Editions, Paris, 2003
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-907143-50-0

ООО «Издательство Аркадия», 2020

На меня пал огонь

Я девушка, а девушка должна идти быстро, низко опустив голову, словно она считает шаги. Глаза ее не должны ни подниматься, ни уходить вправо и влево от дороги, потому что, если вдруг встретятся с глазами мужчины, вся деревня сочтет, что она шармута¹.

Если замужняя соседка, или старуха, или кто угодно заметит девушку одну на улице, без матери или старшей сестры, без овцы, без охапки сена или корзины с инжиром, то про нее опять скажут: «шармута».

Девушка должна быть замужем, и тогда она получает право поднимать глаза, смотреть по сторонам, заходить в торговую лавку, делать эпиляцию и носить украшения.

Если девушка не вышла замуж до четырнадцати лет, как моя мать, вся деревня начинает над ней насмехаться. Но чтобы выйти замуж, девушка должна ждать своей очереди в семье: сначала замуж выходит старшая сестра, а потом все остальные.

В доме моего отца было слишком много девушек. Четыре, и все невесты. Есть еще две дочери от второй жены нашего отца, но они маленькие девочки. Единственным ребенком мужского пола в семье является

¹ Женщина легкого поведения (*араб.*). — *Здесь и далее примеч. ред.*

наш всеми обожаемый брат Ассад, родившийся четвертым. Я занимаю третье место.

Мой отец Аднан недоволен моей матерью Лейлой, которая родила ему столько девочек. Он также недоволен и своей второй женой Айшей, потому что и у нее одни девочки.

Нура, самая старшая из нас, вышла замуж поздно, когда мне самой было уже пятнадцать. Вторую сестру, Кайнат, никто не хотел брать замуж. Я слышала, что один человек говорил с отцом о женитьбе на мне, однако я должна дожидаться свадьбы Кайнат, прежде чем думать о своей. Но, возможно, Кайнат недостаточно красива, а может, она слишком ленива в работе... Я не знаю, почему к ней никто не сватается, но если она останется старой девой, то будет посмешищем для всей деревни, и я вместе с ней.

С той поры, как я себя помню, у меня не было ни игр, ни удовольствий. Родиться девочкой в нашей деревне — это проклятие. Мечта о свободе связана с замужеством: ради дома мужа покинуть дом отца и больше никогда туда не возвращаться, даже если муж будет тебя бить. Если замужняя женщина возвращается в дом отца, это позор. Она не должна искать защиты нигде, кроме дома мужа, и в противном случае долг ее семьи — вернуть ее обратно в дом мужа.

Мою сестру бил муж, и она опозорила отца, придя к нему жаловаться. Но все-таки ей повезло, что у нее есть муж, о котором я пока только мечтаю.

С тех пор как я услышала, что один человек говорил обо мне с отцом, меня пожирала любопытство и нетерпение. Я знала, что этот парень жил в двух шагах

от нас. Иногда я могла его разглядеть с террасы, где развешивала белье. Я знала, что у него есть машина, он носит костюм и всегда ходит с портфелем. Он никогда не одевался как работяга (должно быть, работал в городе, в хорошем месте) и всегда безупречно выглядел. Мне хотелось разглядеть его лицо поближе, но я очень боялась, что кто-нибудь из моей семьи застанет меня за подглядыванием. Поэтому, когда меня посылали на конюшню за сеном для больного барана, я быстро шла по дороге в надежде увидеть этого парня с близкого расстояния. Но он ставил свою машину слишком далеко. Благодаря моим наблюдениям я примерно знала, в котором часу он выходит из дома на работу. В семь утра я делала вид, что складываю высушенное белье на террасе, или собираю созревший инжир, или вытряхиваю ковер, чтобы несколько секунд понаблюдать, как он уезжает на машине. Я должна была все делать быстро, чтобы никто ничего не заметил.

Я поднималась по лестнице, проходила через комнаты и выходила на террасу. Там я энергично трясла ковер и смотрела поверх цементной стены, слегка скосив глаза вправо. Если кто-нибудь и наблюдал за мной издали, он ни за что не мог бы догадаться, что я смотрю на улицу.

Иногда мне удавалось его увидеть. Я была влюблена в этого человека и его машину! На своей террасе я фантазировала: вот мы с ним муж и жена, и я смотрю, как его машина удаляется, но на закате солнца он вернется с работы. Я сниму с него ботинки и, стоя на коленях, вымою ему ноги, как моя мать отцу. Я подам ему чай, буду смотреть, как он закуривает свою

длинную трубку, сидя как король перед дверью своего дома. Я буду женщиной, у которой есть муж!

И я смогу пользоваться косметикой, ездить с мужем на машине и даже поехать в город. Я вынесла бы что угодно, лишь бы обрести свободу и, когда мне захочется, одной выйти за порог и пойти купить хлеба. Но при этом я не буду шармута. Я не буду глядеть на других мужчин, я буду ходить быстро, но прямо и гордо, не считая шаги и не опуская глаз, и никто в деревне не посмеет сказать обо мне плохо, потому что я буду замужем.

Именно на террасе и началась моя ужасная история. Я уже была старше, чем моя сестра ко дню ее свадьбы, и я надеялась и теряла надежду.

Скоро мне должно было исполниться восемнадцать лет, а может быть, больше, я не знаю. Моя память унеслась вместе с дымом в тот день, когда на меня пал огонь.

Память

Я родилась в крошечной деревушке. Говорили, что она расположена где-то на иорданской территории, затем — на границе иорданской территории, позднее — к западу от иорданской территории, но, поскольку я никогда не ходила в школу, я ничего не знала об истории моей страны. Говорили, что я родилась то ли в 1957-м, то ли в 1958-м... То есть сейчас мне примерно сорок пять лет.

Двадцать пять лет назад я говорила только по-арабски, не удалялась от своей деревни дальше чем на несколько километров, знала, что где-то далеко существуют города, которых я никогда не видела. Я не ведала, круглая Земля или плоская, и не имела ни малейшего представления о мире. Я знала, что надо ненавидеть евреев, захвативших нашу землю, мой отец называл их свиньями. К ним нельзя было подходить, прикасаться, разговаривать, иначе сам станешь свиньей, как они. Надо было молиться по крайней мере два раза в день, произносить молитвы, как это делали моя мать и сестры, но я узнала о существовании Корана только много лет спустя, в Европе. В школу ходил мой единственный брат, король нашего дома, но не девочки. Родиться девочкой у нас в семье — это проклятие. Жена должна родить сначала сына, хотя бы одного,

а если у нее рождаются одни девочки, над ней смеются. Надо иметь две или самое большее три дочери, чтобы они работали по дому, в огороде или ухаживали за скотиной. Если в семье происходит по-другому, это большое несчастье, от которого надо избавиться как можно скорее. Мне очень рано стало известно, как от него избавляются. Так я прожила почти семнадцать лет, не зная ничего другого, потому что я была девушкой, а это хуже, чем быть скотиной.

Такова моя первая жизнь, жизнь арабской женщины на западном берегу реки Иордан. Она продолжалась двадцать лет, и потом я умерла. Умерла физически, социально, навсегда.

Моя вторая жизнь началась в конце 70-х годов в международном аэропорту Европы. Я была человеческими останками, умирающими на носилках. Я ощущала смерть в такой степени, что служащие, которые несли меня к трапу, пытались отказаться это делать. Меня спрятали за ширмой, но все равно мое присутствие было для всех невыносимо. Мне говорили, что я выживу, но я прекрасно знала, что нет, и ждала смерти. Я умоляла ее забрать меня поскорее. Смерть была лучше, чем страдания и унижение. От моего тела ничего не осталось, зачем же они хотели заставить меня жить, когда я желала одного — больше не существовать ни телом, ни духом.

Даже сегодня мне случается думать об этом. Это правда, я хотела умереть больше, чем встретиться с этой, второй, жизнью, которую мне так щедро подарили. Выжить в моем случае — это чудо. И оно дает мне сейчас возможность свидетельствовать от имени

всех тех женщин, которым не выпал этот шанс, которые до сих пор продолжают умирать только потому, что они женщины.

Я должна была выучить французский, слушая, как говорят другие люди, и заставляя себя повторять слова, смысл которых мне объясняли знаками: «Больно? Не больно? Есть? Пить? Спать? Ходить?» А я отвечала знаками «да» или «нет».

Гораздо позже я училась читать слова по газете, терпеливо, день за днем. Сначала я разбирала только маленькие объявления, некрологи, короткие фразы с небольшим количеством слов, которые я фонетически повторяла. Иногда у меня появлялось чувство, что я животное, которое учат говорить по-человечески, в то время как у меня в голове звучали арабские слова, и я спрашивала себя: «Где я, в какой стране и почему не умерла там, в своей деревне?» Мне было стыдно, что я еще жива, но никто об этом не знал. Мне было страшно от этой жизни, но никто этого не понимал.

Я должна была сказать все это перед тем, как попытаться собрать обрывки памяти, потому что я хотела, чтобы мои слова были написаны в книге.

В моей памяти много пустоты. Первая часть моего существования состоит из образов, странных и жестоких сцен, как в телевизионном фильме. Иногда я не верю сама себе, так мне больно собирать их по порядку. Можно ли, к примеру, забыть имя одной из сестер? Или сколько лет было брату, когда он женился? И при этом не забыть коз, овец, коров, помнить печь для хлеба, стирку в саду, помнить, как собирали цветную капусту, кабачки, помидоры, инжир... помнить

хлев и кухню, мешки с пшеницей и змей. Террасу, где я подглядывала за моим возлюбленным. Пшеничное поле, где я совершила свой «грех».

Я плохо помню свое раннее детство. Иногда в глаза бросится цвет или предмет, и в памяти вспыхивают и смешиваются образы, персонажи, голоса, лица... Часто, когда меня о чем-то спрашивают, в моей голове зияет совершенная пустота. Я безнадежно ищу ответ, а он не приходит. Или бывает, что вдруг появится какой-то образ, а я не знаю, чему он соответствует. Однако эти картинки впечатались в мою память, и мне их никогда не забыть.

Невозможно забыть собственную смерть.

Меня зовут Суад, я девочка с западного берега реки Иордан. Вместе с моей сестрой мы ухаживаем за овцами и козами, потому что у моего отца есть стадо, и я тружусь как лошадь.

Я должна была начать работать с восьми-девяти лет, а первые месячные обычно приходят в десять. У нас говорят, что девочка созрела, когда *это* с ней случается. Мне было стыдно за *эту* кровь, потому что ее надо было скрывать даже от матери, тайком до белизны стирать шаровары, а потом быстро высушивать их на солнце, чтобы мужчины и соседи не увидели. У меня было всего две пары шаровар. Я вспоминаю, что в качестве прокладок пользовалась бумагой в эти проклятые дни, когда тебя презирали, будто ты больна чумой. Потихоньку я зарывала поглубже в помойное ведро эти знаки моей нечистоты. Если болел живот, мать давала мне пить отвар из листьев шалфея, который